

WELCOME TO KING

ДЖИММА

G ABOVE PLACE

ДЖИММА

Я знаю веселые сказки таинственных стран.

Николай Гумилев¹

Счастья кругом — сколько угодно.

Только нагибайся и подбирай.

Эрих Мария Ремарк²

В самом конце 2009 г. я получил письмо от коллег из МИДа. Готовился первый визит министра иностранных дел России в Кению, и коллеги просили подумать о возможной культурной инициативе или выставочном проекте, который бы смог добавить «гуманитарную составляющую» в программу визита. Застрельщиком идеи выступал Вячеслав Конник, о котором я писал выше³. Проблема состояла в том, что коллекций, ставших результатом работы в Кении русских ученых, в музее не оказалось. Россия не имела в Африке собственных колониальных интересов, поэтому в приобретении африканских коллекций музеев в значительной степени зависел от сотрудничества со своими западноевропейскими партнерами. В конце XIX — начале XX в. обмены с европейскими музеями приобрели регулярный характер. Именно благодаря межмузейному сотрудничеству в МАЭ появились коллекции, собранные европейскими экспедициями в Западном Судане, Камеруне, Восточной и Южной Африке, в районе Нижнего Конго, в Гвинее, на Мадагаскаре... В 1913 г. МАЭ приобрел у молодого шведского исследователя Герхарда Линдблома (1887–1969) обширную коллекцию по камба (самоназвание в форме мн. ч. — акамба, в форме ед. ч. — мукамба). Сегодня это третий по численности народ Кении, жи-

вущий в основном на юге страны в бассейне реки Ати. Собрание Линдблома состояло из 216 предметов и дополнялось интереснейшей фотоколлекцией. Важным было то, что вещевая и фотоиллюстративная коллекции в значительной степени дополняли друг друга.

Карл Герхард Линдблом, в будущем — один из ведущих шведских этнографов, профессор Стокгольмского университета и директор Национального этнографического музея, тогда только что вернулся из длительного научного путешествия в Восточную Африку (1910–1912 гг.). Результатом поездки стала богатая этнографическая коллекция и громадный полевой материал, посвященный изучению местного фольклора и диалектов. Энергичный молодой ученый по возвращении немедленно приступил к его обработке. Его перу принадлежит и во многом уникальная серия работ, посвященных в том числе и описанию различных предметных групп, составивших вещевую коллекцию, привезенную из Кении. Из того, что у нас было связано с Кенией, эта коллекция была наиболее интересна, и мы решили работать с ней. Через общих знакомых я связался со шведскими коллегами, результатом чего стала важная для проекта статья в нашем журнале⁴.

¹ Николай Гумилев. Жираф. 1907 г.

² Э. М. Ремарк. *Триумфальная арка*. Пер. И. Шрайбера, Б. Кремнева. М.: Художественная литература, 1978. С. 54.

³ См. главу «Локинач и крокодила река».

⁴ См.: W. Östberg. “He Who Carries the Spear” Gerhard Lindblom’s Fieldwork in Eastern Kenya. 1911–1912, *Manuscripta Orientalia*, XVI/2 (2010). P. 35–48. См. также: M. Petzell. Swedish Contributions to African Linguistics, with a Focus on Bantu Languages, *Africa & Asia*, III (2003). P. 47.

**Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)
of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russia)
together with the National Museums of Kenya
have an honor to present the exhibition organized on the occasion of the visit
of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov to the Republic of Kenya
and in honour of the 100th anniversary of the foundation
of the National Museums of Kenya.**

In the Mirrors of Time

Kenya photo collection by Gerhard Lindblom

The Kenya collections were bought by the St. Petersburg Museum, one of the largest and oldest ethnographical museums in the world, in 1913 from a young Swedish explorer named Gerhard Lindblom (1887–1969) who would later become a famous ethnographer, a professor at Stockholm University, and director of the National Ethnographical Museum. The collections are the result of his extended research journey to East Africa (1910–1912).

This exhibition project made possible through the good offices of the Russian Embassy in Kenya and support of the Aga Khan Development Network.

Информационный плакат к открытию выставки «В зеркале времени. Кенийская фотоколлекция Герхарда Линдблома». Найроби, 2010 г.

Мы быстро согласовали идею фотовыставки, снабженной развернутым каталогом на русском и английском языках⁵, и я погрузился в работу⁶. Вскоре, однако, «меня нашла» шокирующая информация: оказалось, что Линдблом, член множества европейских научных обществ, член Правления Международного института африканских языков и культур и президент Шведского общества антропологии и географии (1933–1934), к началу Второй мировой войны был замечен в симпатиях к нацизму. В те годы это было достаточно массовым поветрием среди западноевропейских этнографов и антропологов⁷. К большому сожалению, тема до сих пор табуирована, но я, так или иначе, всегда старался придерживаться полной корректности в этом непростом вопросе. Так я поступил и тут. В конце жизни Линдблом мог наблюдать закат эры колониализма в Африке, но пик его научной деятельности пришелся на расцвет этой эпохи. Он, несомненно, разделял многие научные и идеологические концепции, предубеждения, характерные для значительной части западного научного сообщества той поры, при этом привезенным им вещевым и фотоиллюстративным коллекциям, сохранившим ряд уникальных элементов традиционной культуры Кении, навсегда суждено остаться важной частью диалога между Африкой и Европой.

Я сам удивляюсь своей производительности той поры, но, как бы то ни было, в середине ноября 2010 г. я прилетел в Найроби с четырьмя гигантскими чемоданами. В них была и выставка, и каталог. Нам очень повезло, что в те годы чрезвычайным и полномочным послом РФ в Кении был Валерий Евгеньевич Егоскин, сам собравший блестящую этнографическую коллек-

Подписание Меморандума о взаимопонимании между МАЭ РАН и Национальным музеем Кении 16 ноября 2010 г. Фото А. Р. Богуславского

цию и создающий сейчас на ее основе Центр африканской культуры. 16 ноября в рамках визита министра иностранных дел России С.В. Лаврова в Республику Кения состоялось подписание Меморандума о взаимопонимании между МАЭ РАН и Национальным музеем Кении, предусматривающего возможность широкого научного взаимодействия. В этот же день в присутствии руководителей внешнеполитических ведомств двух стран, а также государственного министра по делам национального наследия и культуры Кении У.О. Нтимамы состоялась торжественная церемония передачи Национальному музею Кении нашего выставочного проекта. Был организован предпоказ выставки, а официальное открытие прошло в декабре⁸. В бельгийском посольстве меня представили очень и очень пожилой русской даме с кристально ясным умом и красивым, чуть старомодным русским языком. Она оказалась матерью бельгийского посла в Кении. Я был рад подарить ей наш каталог, а она в ходе разговора прочитала нам по памяти:

⁸ Выставочный проект был организован МАЭ РАН и Национальным музеем Кении (Найроби) при содействии Посольства РФ в Кении. Мы искренне признательны за сотрудничество директору Национального музея Кении доктору И.О. Фараху.

⁵ См.: Е. А. Резван. *В зеркале времени: каталог фотовыставки: кенийская фотоколлекция Герхарда Линдблома*. СПб.: Петроний, 2010.

⁶ Значительную помощь в реализации проекта оказали директор Стокгольмского этнографического музея профессор Андерс Бйоркунд и доктор В. Остберг, куратор африканских коллекций этого музея. Я обязан доктору Джеффри Гаррету (Специальные библиотеки Северо-Западного университета, Эванстон, Иллинойс, США) за библиографическую поддержку проекта. Большую работу по его информационному обеспечению провели В. Н. Семенова и А. Ю. Кудрявцева.

⁷ См., например: Резван. *Туркестан*. С. 97–98.

Предпоказ выставки. Найроби, 16 ноября 2010 г.
Фото Ефима Резвана

Национальный музей в Найроби. 2010 г.
Фото Ефима Резвана

Чрезвычайный и полномочный посол РФ в Кении В. Е. Егошкин и директор Национального музея Кении доктор И. О. Фарах представляют выставочный проект послу Королевства Швеции в Кении г-же Энн Дисморр. 7 декабря 2010 г.
Фото А. Р. Богуславского

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд,
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озер⁹.

Мать бельгийского посла в Кении, дочь русских эмигрантов первой волны. 2010 г. Фото Ефима Резвана

Как и многие русские читатели первой половины XX в.: «Африку <...> она знала по Гумилеву»¹⁰.

Организовав поездку по национальному парку «Озеро Накуру», Валерий Евгеньевич сделал мне за-

⁹ Николай Гумилев. Жираф. 1907 г.

¹⁰ Л. Арсеньева (Чассинг). *Концерт*. Париж: б. и., 1937. С. 79. Настоящее имя — Часовникова Лидия Викторовна; урожд. Арсеньева.

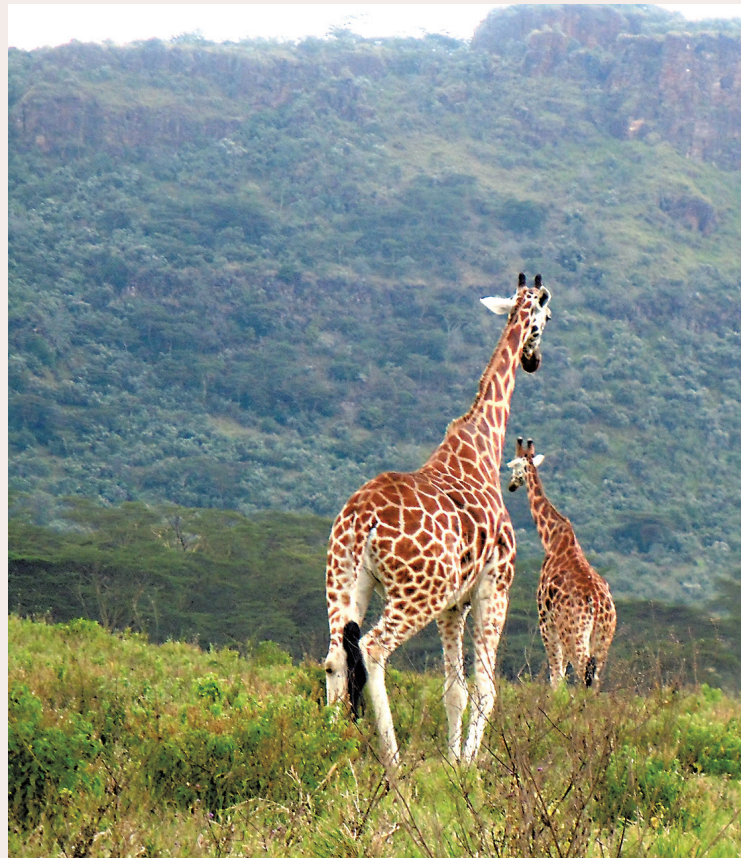
У озера Накуру. 2010 г. Фото Ефима Резвана

мечательный подарок. Парк расположен в провинции с говорящим названием Рифт-Валли в 160 км к северо-западу от Найроби. Рано с утра мы выдвинулись в сторону эфиопской границы и, как я посчитал потом, проехали где-то полпути до южной оконечности озера Рудольфа (это километров 400). Озеро Накуру, известное всему миру прежде всего как место, привлекающее в сезон до полутора миллионов (!) розовых фламинго, — одно из цепочки озер, вдоль которых естественным образом шел древний караванный путь.

Я, наконец, смог расслабиться после очень напряженной работы и был готов просто смотреть и радоваться. Мы съехали с шоссе и вскоре оказались на заповедной территории. Нас предупредили, что выходить

из машины запрещено. Исключение — специально оборудованные обзорные площадки.

Грунтовая дорога шла через лес, в котором нас встретили суровые бабуины. С дерева свисал громадный питон. Не зря говорится: «улыбайся чаще, и чаща улыбнется тебе». Негостеприимный лес неожиданно кончился, открывая вид на громадный приозерный луг, и тут я, наконец, увидел Африку из моих детских книг, живую, яркую и все равно удивительную, несмотря на множество медийных «предпросмотров». Ближе к воде рысило громадное стадо зебр. В траве лежали черные буйволы. Волоклюи методично выклеивали из их шкур насекомых и личинок. Паслись антилопы и водяные козлы. Жир последних ядовит, и они не боятся хищников (это я вдруг

У озера Накуру. 2010 г. Фото Ефима Резвана

вспомнил из книг моего детства). За кустами на секунду мелькнула шиферно-серая морда носорога, чинно шли громадные жирафы...¹¹ Звери, казалось, не обращали на нашу машину никакого внимания. Да, это была именно та Африка, которую нарисовал Гумилев для Маши Караваевой, и Евгений Степанов, безусловно, прав, когда писал, что «в стихах “Шатра” присутствуют подлинные реалии всех его африканских путешествий, о которых современники сплошь и рядом слушать не хотели, считая все это произвольным фантазированием, поэтической бутафорией, элементом ложноромантического ориенталистского “колорита”»¹².

¹¹ В XX в. ареал жирафов значительно сократился. В окрестности Накуру угандийского жирафа (другое название — жираф Ротшильда) переместили в конце 1970-х гг., что спасло вид от вымирания. Они тут прекрасно прижились, судя по всему заместив исчезнувшую популяцию нубийского жирафа.

¹² Степанов. *Летопись*, I. С. 614.

Я был очень рад новой встрече со Славой и Тамарой. Мы вместе вылетели из Найроби, сговорившись на следующий день по прилете отправиться в Джимму.

* * *

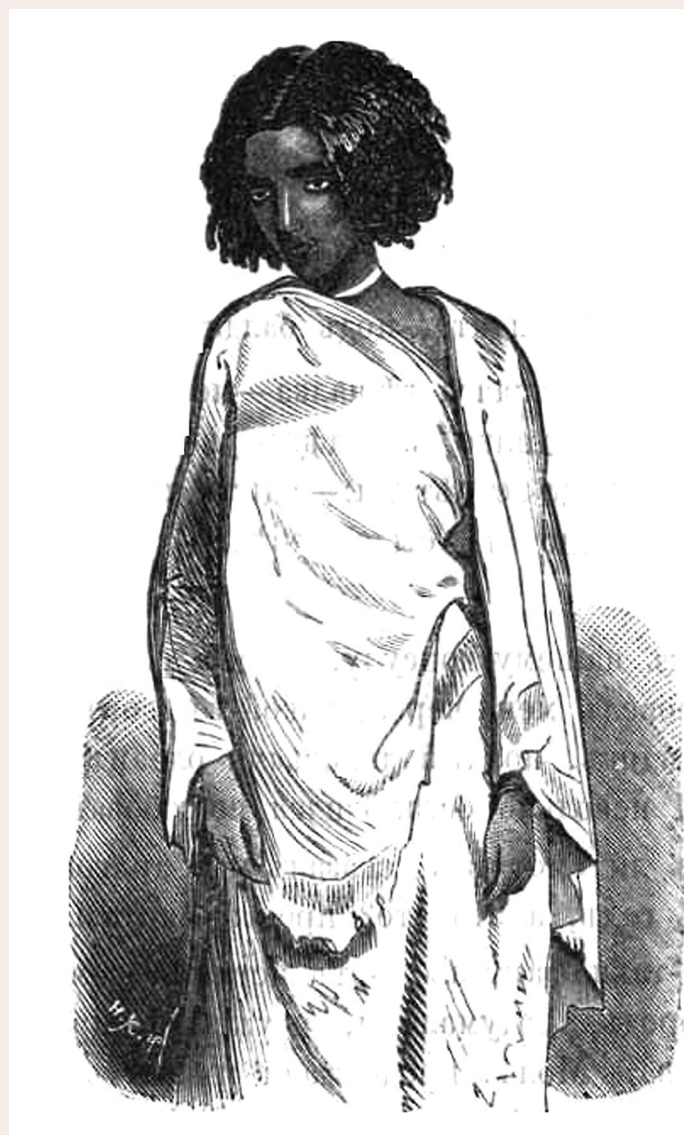
Если негр будет пойман, его уведут
На невольничий рынок Ходейды в цепях.
*Николай Гумилев*¹³

Арабские купцы, осваивавшие Восточную Африку на протяжении многих веков, научились извлекать максимум прибыли из своего доминирующего положения. Они посредничали в торговле между внутренними районами континента и Аравией, Индией, Китаем, активно торгуя золотом и слоновой костью, рогом носорога и шкурами леопардов, амброй и циветом, железом и растительным сырьем для красителей, ценной древесиной

¹³ Николай Гумилев. Красное море. 1918 г.

и горным хрусталем... Однако важнейшим источником дохода была, безусловно, работорговля. Колонии греческих, египетских, потом арабских и, возможно, индийских купцов процветали на эфиопском побережье еще в I-м тысячелетии до н. э. Караваны, отправлявшиеся из Египта, достигали Эфиопского нагорья еще раньше. Войны мусульман в Восточной Африке рассматривались как *джихад*. Всех плененных и захваченных можно было продавать по правилам *шариата*. Красивые девушки-эфиопки всегда ценились очень высоко, однако к XIX в. основную массу рабов как для эфиопского и восточносуданского рынка, так и для вывоза в Аравию поставляла широкая полоса вдоль эфиопско-суданского приграничья, простиравшаяся на сотни километров с севера на юг¹⁴. Стоимость рабов росла по мере удаления от источника «живого товара»: в 1905 г. в Каффе один раб стоил 8 талеров Марии Терезии, в Шоа цена вырастала до 30–40 талеров¹⁵. Еще дороже рабы стоили в основных точках вывоза, портах Массавы и Таджура,

Рабьяня-эфиопка. Иллюстрация из книги: Е. П. Ковалевский. *Путешествие во внутреннюю Африку*. СПб.: Типография И. И. Глазунова, 1872. С. 115

¹⁴ Подробнее см.: R. Pankhurst. The Ethiopian Slave Trade in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries: A Statistical Inquiry, *Journal of Semitic Studies*, IX/1 (1964). P. 220–228; J. Alexander. Islam, Archaeology and Slavery in Africa, *World Archaeology*, XXXIII/1 (2001). P. 44–60; R.A. Austen. The 19th Century Islamic Slave Trade from East Africa (Swahili and Red Sea Coasts): A Tentative Census, *Journal of Slave and Post-Slave Studies*, IX/3 (1988). P. 21–44; M. Abir. The Ethiopian Slave Trade and its Relation to the Islamic World, *Slaves and Slavery in Muslim Africa*. Vol. 2: The Servile Estate. Ed. J. R Willis. London: Frank Cass; T. Fernyhough. Slavery and Slave Trade in Southern Ethiopia in the 19th Century, *Slavery & Abolition*, IX (1988). P. 103–130; G. Bonacci, A. Meckelburg. Revisiting Slavery and the Slave Trade in Ethiopia, *Northeast African Studies*, XVII/2 (2017). P. 5–30; E.A. Alpers. *The East African Slave Trade*. Nairobi: Historical Association of Tanzania, 1967; The Story of Swema: Female Vulnerability in Nineteenth-Century East Africa, *Women and Slavery in Africa*. Eds. C. G. Robertson, M. A. Klein. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1983. P. 16–34; F. Morton. Small Change: Slave Children and the 19th Century East African Slave Trade, *Children in Slavery through the Ages*. Eds. G. Campbell, S. Miers, J. C. Miller. Athens, OH: Ohio University Press, 2009. P. 55–70. Здесь важно также подчеркнуть, что арабы не были единственными работорговцами в Восточной Африке. До начала XIX в. успешную конкуренцию им создавали европейцы. См., например: E.A. Alpers. The French Slave Trade in East Africa (1721–1810), *Cahiers d'Études africaines*, XXXVII (1970). P. 80–124. Ср.: Николай Гумилев. Невольничья. 1910 г.

¹⁵ Подробнее см.: F. Bieber. *Kaffa: Ein Altkuschitisches Volkstum in Inner-Afrika*, II: Das Gemeinleben der Kaffitscho oder Gongga, Wien: Aschendorff, 1923. P. 37–43. См. также: T. W. Mariam. The Slave Trade in the Economy of Jimma, *Proceedings of the Eighth International Conference of Ethiopian Studies*. Ed. T. Beyene, I (1989). P. 309–318.

и, конечно же, на Занзибаре. Появление после побед Менелика II христианской администрации не смогло прекратить работорговлю, но увело ее в тень.

Большую роль в работорговле издавна играли государства, расположенные на юго-западе современной Эфиопии. Долгое время сильнейшим и крупнейшим из них была Каффа, существовавшая с конца XIV в. вплоть до ее завоевания Менеликом II в 1897 г. В XVIII в. к северу от Каффы возникло государственное образование, получившее по имени своего основателя название Джимма Аба Джифар или просто Джимма

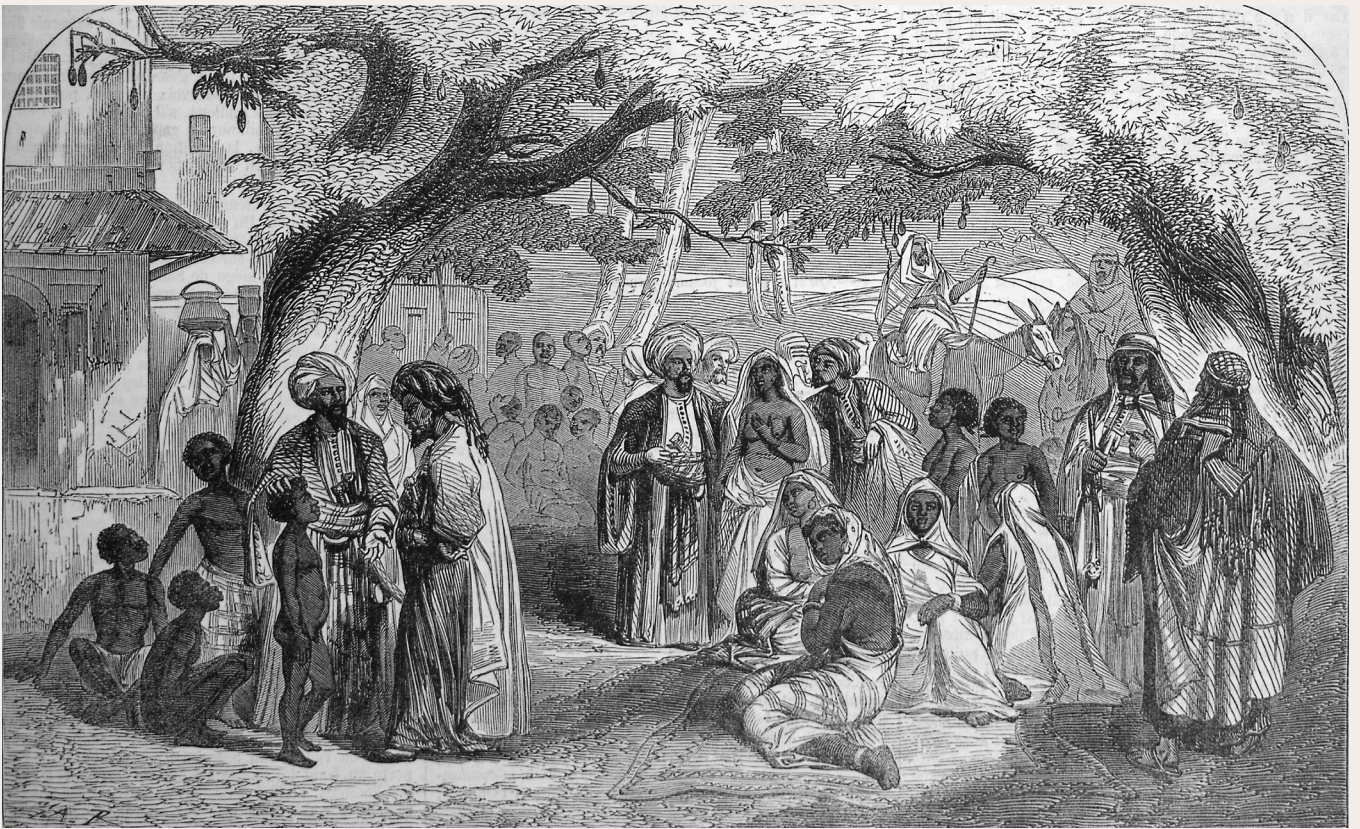

AN ARAB SLAVE MASTER.

Араб-рабовладелец. Иллюстрация из книги: J. W. Buel. *Heroes of the Dark Continent: And how Stanley Found Emin Pasha. A Complete History of All the Great Explorations and Discoveries in Africa, from the Earliest Ages to the Present Time, Including a Full, Authentic and Thrilling Account of Stanley's Famous Relief of Emin Pasha...* St. Louis: Historical Publishing Co., 1890. P. 135

(до миграции оромо в XVI в. территория, которую заняла Джимма, была частью Каффы). Границей между Каффой и Джиммой стала река Годжэб, правый приток Омо. Аба Джифар I (правил в 1830–1855 гг.) установил

полный контроль над караванным путем между Каффой и Шева. До последней четверти XIX в. Джимма успешно воевала со своими соседями, присоединяя плодородные земли в ходе продвижения на восток и юго-восток,

Невольничий рынок в Маскате. 1840-е гг. *L'Illustration*, XIV (1849). Р. 137

Невольничий рынок на Занзибаре. 1860-е гг. *Anti-Slavery Reporter*, XX/8 (1877). Р. 194

и в конечном итоге приобрела статус самого могущественного государства в регионе¹⁶. Находясь на пересечении торговых путей, Джимма быстро стала важным участником прибыльной караванной торговли.

Ключевой вехой в истории страны стало принятие ислама Абой Джифаром I. Местные оромо были исламизированы между 1820 и 1870 гг. и особенно во время правления Абы Джифара II (известен также под именем Мухаммад б. Да'уд; правил в 1877–1930 гг.) в первую очередь благодаря торговым связям с Хараром и Занзибаром. Махмуд б. Сулайман ат-Тиджани, племянник Абы Джифара II, способствовал распространению тут влияния неосуфийского течения тиджанийя¹⁷. Здешние мусульмане почитают и 'Абд ал-Хакима, святого подвижника, который пришел в Джимму из Гондэра и принес с собой ханафитский *мазхаб* в дополнение к уже имевшемуся шафиитскому¹⁸. К концу XIX в. в Джимме насчитывалось около шестидесяти *медресе*, которые были расположены в основном в Джирене и его окрестностях¹⁹. К этому времени Джимма уверенно вошла в число региональных центров исламской учености²⁰.

Аба Джифар II, в отличие от своих соседей, подчинился Менелику II и не только согласился платить дань негусу, но и выступил на его стороне в военных действиях, сохранив в результате значительную степень автономии. Лишь его смерть привела к окончательной аннексии Джиммы.

Хирмата (ныне — г. Джимма), один из пригородов столичного г. Джирен, получила опережающее

Аба Джифар II. 1920-е гг.

развитие в 1938 г. при итальянцах. Сейчас Джимма — крупнейший город юго-западной части Эфиопии (около 170 тысяч жителей). Расположен на высоте 1740 м. В середине XIX в. в неподалеку от города на возвышенности, контролирующей окрестности, королем Аба Джифаром I был заложен дворец, соответствующий статусу правителя процветающего государства.

С 1930-х гг. Джимма превратилась в основной центр экспорта товарного кофе. Сейчас в районе города можно найти самые большие и старейшие кофейные плантации в Эфиопии.

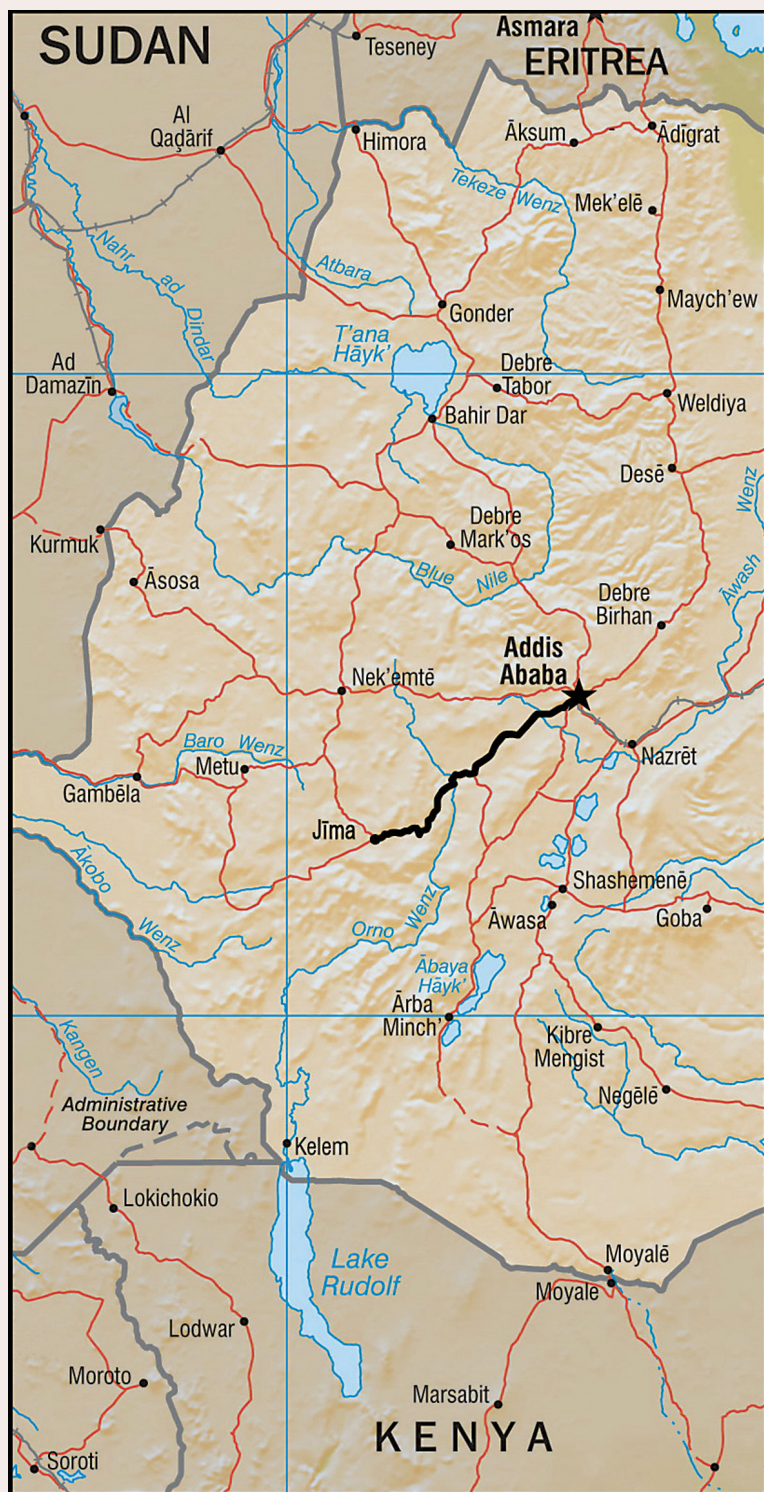
¹⁶ См.: H. S. Lewis. *A Galla Monarchy: Jimma Abba Jifar, Ethiopia, 1830–1932*. Madison, WI: University of Wisconsin press, 1965. P. 7–18.

¹⁷ R. S. O'Fahley, B. Radke. Neo-Sufism Reconsidered, *Islamica*, LXX (1993). P. 52–87.

¹⁸ См.: Trimmingham. *Islam in Ethiopia*. P. 205. См. также: S. Merga. *An Archaeological Survey of Islamic Shrines in Jimma Zone, South-Western Ethiopia*. Addis Ababa: Addis Ababa University Press, 2012. P. 8–11.

¹⁹ См.: M. Hassan. *The Oromo of Ethiopia: A History, 157–1860*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 28–32.

²⁰ См.: G. W. B. Huntingford. *The Galla of Ethiopia; the Kingdoms of Kafa and Janjero*. London: International African Institute, 1955. См. также: M. Abir, *The era of the princes: the challenge of Islam and the reunification of the Christian empire, 1769–1855*. London: Longmans, 1968.

Маршрут поездки Аддис-Абеба — Джимма

Мы выехали еще до рассвета. Путь предстоял неблизкий (около 800 км туда и обратно), а к ночи мы должны были возвратиться в Аддис-Абебу, проведя

в Джимме часа три-четыре. Такое стало возможным совсем недавно. В декабре 2006 г. на средства Африканского банка развития началось строительство современной автодороги между Джиммой и Мизан-Тефери. К 2010 г. работы были завершены. В самолете из Найроби я внимательно перечитал свою подборку африканских текстов Гумилева и те части книги Булатовича²¹, которые относились к Каффе и Джимме. Так что к поездке я был готов.

В очередной раз удивился бойцовским качествам Славы: мы спали всего ничего, но он увереннейшим образом гнал машину на предельно возможной скорости. Я поначалу клевал носом, но потом придумал игру, зачитывая вслух фрагменты из текста Булатовича, соотносившиеся с тем, что мы видели или должны были увидеть:

«Джимма расположена на длинной узкой полосе земли, протянувшейся с юго-запада на северо-восток по течению реки Гибье-Каке. Ее окружают горы, с которых сбегает в Гибье масса ручьев и речек, орошающих Джимму и делающих ее одной из самых плодородных местностей. Вершины хребтов покрыты густым вековым лесом. Климат долин достаточно влажный (здесь бывает два дождевых периода: один — в марте и апреле, другой — в июле и августе), очень ровный и благоприятствующий произрастанию даже кофейного дерева, которое на Эфиопской возвышенности встречается только в юго-западной части, в местах, сопредельных с Каффой. Прекрасные природные условия сделали Джимму одной из самых населенных и производительных частей Эфиопии, а ее центральное положение среди других богатых областей — крупным торговым центром. Сюда стекаются арабы, абиссинцы и галласы, чтобы обменивать свои заморские товары — материи, оружие и бусы — на кофе, мускус, слоновую кость, мед, воск, хлеб и лошадей из Джиммы и соседних с ней Каффы, Куло, Конты и Лиму. Отсюда ценные товары отправ-

²¹ Булатович. *С войсками Менелика II.*

ляются через Годжам и Тигре в Массову или через Харар в один из портов Таджурахского залива, на берегу Индийского океана»²².

«В прежние времена главной приманкой были рабы, так как тут был их главный рынок, но с воцарением Менелика работоторговля была уничтожена под страхом смертной казни. Аба Джифар — молодой изнеженный восточный властитель, он со своим народом исповедует магометанство, которое он перенял, вероятно, от часто посещающих Джимму купцов-арабов. Дворец его сравнительно очень роскошный, не уступает дворцу Менелика по величине, внутри его находится красивое здание гарема, тщательно охраняемое многочисленными евнухами, там живут две его жены и две наложницы. Аба Джифар платит дань Менелику, составляющую в общей сложности сумму в 15–20 тысяч талеров в год»²³.

Какие бы красивые виды не открывались перед нами, останавливаться у нас возможности не было. Очень помогал замечательный кофе, который можно было выпить по дороге. Когда пробуешь местный кофе, отчетливо понимаешь: то, что мы пьем у себя дома — лишь его самое убогое подобие.

К Джимме мы подъехали где-то около часа дня. Немного поплутали, разыскивая дворец. Мы паркуемся, и я пока из-за забора разглядываю то, что по историческим меркам совсем недавно было дворцом Абы Джифара II.

Дворец расположен в семи километрах от центра Джиммы на высоте двух тысяч метров над уровнем моря. С его террас открывается прекрасный вид на окрестности, что подчеркивает стратегические приоритеты при выборе места для строительства. Доминирующее по высоте местоположение снижало и опасности, связанные с распространением малярии, рассадником которой были недалекие отсюда низменности.

Дворец Абы Джифара II. 2010 г.
Фото Ефима Резвана

Дворец считается важнейшим объектом культурного наследия в регионе Оромия, символом его культурной самобытности и ключевым памятником его исламизации. Это — старейший, самый крупный и лучше всего сохранившийся образец традиционной городской архитектуры. Его специфика состоит в использовании строительных технологий юго-западной Эфиопии для создания постройки в индо-арабском архитектурном стиле. Ближайшими стилистическими параллелями являются синхронные по времени создания объекты индийской торговой архитектуры, которые обнаруживаются в портах восточафриканского побережья и на Занзибаре. В этом отношении дворец и связанные с ним коллекции являются памятником культурных и торговых связей между высокогорьем этой части Эфиопии и внешним миром.

²² Там же. С. 188.

²³ Там же. С. 159.

Вид с террасы дворца Абы Джифара II. 2010 г.
Фото Ефима Резвана

Фасады и интерьеры дворца
Абы Джифара II в Джимме.
2010 г. Фото Ефима Резвана.

То, что я увидел, было картиной упадка и разрушения: облетевшая штукатурка, выломанные элементы резного деревянного декора и ограждений террас, частью утраченные створки дверей, оконные переплеты и ставни, выбитые стекла, разрушающиеся капители колонн, частью исчезнувшие доски покрытия полов...²⁴ Некогда богатый дворец ныне почти пуст. Остались сломанные кровать, стул и несколько предметов хозяйственной утвари. Все, что сохранилось

²⁴ В ноябре 2018 г. Международный валютный фонд инициировал проект, посвященный предварительному изучению путей консервации и реставрации сохранившихся построек дворцового комплекса. К большому сожалению, похоже, что значительная часть сравнительно небольших средств, выделенных на эти цели, ушла, как водится, на выплаты западным лекторам, проводившим тренинги по сохранению древесины.

из остального, было вывезено в местный музей.

Над одной из дверей сохранилась резная по дереву арабская надпись, содержащая символ веры, имена праведных *халифов*²⁵, год очередной перестройки дворца и имя его хозяина:

²⁵ Абу Бакр ас-Сиддик (ок. 572–634) — друг и ближайший сподвижник Мухаммада, сопровождавший его во всех поездках и походах, после смерти пророка возглавил общину, став первым «праведным халифом»; ‘Умар ал-Хаттаб ал-Фарук (ок. 585–644) — сподвижник Мухаммада с 616 г., второй «праведный халиф», пришедший к власти после смерти Абу Бакра, выдающийся государственный деятель; ‘Усман б. ‘Аффан (ок. 575–656) — сподвижник Мухаммада, третий «праведный халиф», пришедший к власти после смерти ‘Умара; ‘Али б. Аби Талиб (ум. в 661 г.) — четвертый «праведный халиф», двоюродный брат и зять Пророка, бесстрашный воин. С именем ‘Али связано зарождение шиитского движения.

Во дворце Абы Джифара II. 2010 г.
Фото Ефима Резвана.

Арабская надпись во дворце Абы Джифара II. 2010 г.
Фото Ефима Резвана

لا اله الا الله محمد رسول الله
صلى الله عليه وسلم • ابو بكر عمر عثمان علي
رضي الله عنهم
١٣٢٥
السلطان بن السلطان السامان ابا جفار محمد بن
داود

Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммад — посланник Его. Да пребудет с ним мир и благословение Аллаха • Абу Бакр, ‘Умар, ‘Усман, ‘Али, да будет доволен ими Аллах!

1325 г. х. (= 1907)

Султан, сын султана изобильного, Аба Джифар Мухаммад б. Да’уд

Позволю себе привести еще одну обширную цитату из сочинения Булатовича, прекрасно передающую атмосферу в покоях Абы Джифара II: «Оставив вьючных мулов и часть слуг на площадке, я с остальными ашкерами направился во дворец, окруженный высоким красивым забором, прихотливо оплетенным из расщеп-

ленных стволов бамбука, и разделенный на массу отдельных двориков. Каждое из таких помещений имеет свое специальное назначение: или для каких-нибудь отделов дворцового хозяйства, или приемных комнат короля, или же его внутренних покоев. Пройдя ряд первых дворов, мы вступили во внутренние покои. Здесь

пришлось слезть с мула и направиться дальше пешком. Наконец нас ввели во двор, где находилась опочивальня Аба Джифара и его гарем — место заточения его двух жен и двух любимых наложниц. Гарем — двухэтажное здание затейливой архитектуры, с узкими решетчатыми окнами и резной пестро раскрашенной галерейкой — прячется за высоким забором и громадными деревьями кого. Здесь меня принял Аба Джифар. *Моти* (король) Джиммы сидел на складном кресле около большого костра окруженный несколькими десятками приближенных. Поздоровавшись со мной по-европейски, за руку, он стал расспрашивать меня на ломаном абиссинском языке про дорогу, осведомился, не устал ли я, и т. п. За его креслом сидели на траве, расположившись живописными группами, его телохранители и свита; мои же ашкеры стояли полукругом за моим стулом с ружьями у ноги (по абиссинским обычаям, слуги не должны сидеть в присутствии их хозяина).

Аба Джифар — еще молодой человек, красивый, рослый, немного полный. Прямой тонкий нос, блестящие, красивые, подозрительно бегающие по сторонам глаза, густая черная борода, черные же, коротко остриженные, курчавые волосы — вот его характерное лицо. Руки небольшие, изящные, на всех пальцах громадные золотые перстни. Одет в белую рубашку и штаны, на плечи накинута тончайшая белая шамма. Ноги, тоже очень маленькие и красивые, обуты в кожаные сандалии.

После нескольких минут разговора Аба Джифар, извинившись, просил меня немного обождать, так как настало время вечерней молитвы. В сопровождении свиты он отошел на несколько шагов в сторону и приступил к совершению уставных омовений. Мальчик-слуга принес большой серебряный таз и такой же кувшин с водой, и Аба Джифар стал по всем правилам мусульманского ритуала омыwać себе руки, ноги, грудь, голову, плечи, вполголоса произнося при этом молитвы. Окончив обряд, он поднялся на белую каменную небольшую четырехугольную площадку, покры-

тую циновкой, и, обратившись лицом к востоку, начал молиться.

Уже совсем стемнело... Чудную, фантастическую картину представляла молитва полудикого магометанского властителя среди этой необычайной для глаз европейца обстановки.

Пылающий костер освещал переменчивыми огнями затейливое здание гарема, в решетчатые оконца которого, наверное, выглядывали теперь с любопытством заключенные красавицы; освещал он и живописную группу красиво задрапированных в белые шаммы, похожих на привидения людей свиты Аба Джифара и стоявшую на возвышении громадную фигуру короля, резко выдающуюся на мрачном фоне ночи. Аба Джифар усердно молился, перебирая в руках четки и кладя земные поклоны. Была полная тишина. Только случайные порывы ветерка, врываясь в громадную листву банановых деревьев и шелестя их зеленой одеждой, нарушали царившее вокруг благоговейное молчание.

Окончив молитвы, Аба Джифар, довольный, по-видимому, что мог похвастаться перед европейцем своим знанием всех мусульманских обрядов, снова расположился в кресле.

Мы возобновили прерванный разговор. Король расспрашивал меня про Стамбул (Турцию), Мысыр (Египет), поинтересовался, правда ли, что Стамбул — самое могущественное государство в мире. Мне, конечно, пришлось до некоторой степени разочаровать моего собеседника и опровергнуть внушаемые ему арабами тенденциозные сказки. Слуги принесли в большом глиняном кофейнике кофе и уселись возле нас на траве разливать его. Из плетеной, расшитой бисером соломенной корзинки в форме столбика вынули десяток маленьких чашечек без ручек, завернутых в красный кумач, и расставили их на деревянном подносе. Кофе сначала предложили нам, а затем по очереди угостили всю свиту и всех моих ашкеров»²⁶.

²⁶ Булатович. *С войсками Менелика II*. С. 192–194.

Музей Джиммы был создан в 1972 г., текущая экспозиция датируется в основном 1988 г. Сейчас здесь принимают порядка 50 тысяч посетителей в год, из которых половина — школьники и студенты, а около семи тысяч — иностранные туристы. Здание не приспособлено для музейных нужд и в настоящее время разрушается.

Это, по сути, краеведческий музей. В нем семь тематических разделов, но заданная тематика по существу не выдерживается. Собрание музея (порядка 1500 предметов, из которых на экспозиции представ-

лено 800) достаточно разнообразно. Имеются этнографические коллекции (национальные костюмы народностей, проживающих в крае, музыкальные инструменты, украшения, утварь, старинное и традиционное вооружение), оружие времен войны 1934–1935 гг., а также конфискованное во времена Дерга (1974–1987 гг.), фотоколлекция, представляющая в основном царственных особ²⁷.

Три раздела экспозиции так или иначе связаны с коллекциями, привезенными из дворца Абы Джифара. Здесь и трон Абы Джифара II, и трон, изготовленный для императора Хайле Селассие I, и привозные предметы мебели (книжный шкаф, кровать, доставленная из Занзибара, стулья и стол), и рукописи (в том числе — список Корана), и четки, и деревянная ванна, и походный туалет, и трость-пистолет итальянского производства, и кухонная утварь неясного происхождения. Очень интересны дворцовые предметы, изготовленные местными мастерами (стулья традиционной работы, кожаный контейнер для еды, емкости для воды из кожи бегемота и т. п.). Представлены подарки Абе Джифару II от местных жителей и иностранных гостей.

В музее по существу отсутствует квалифицированный персонал. Не ведется даже минимально необходимая музейная документация (существующий список предметов включает и офисное оборудование). Отсутствует какая-либо оценка музейных ценностей, важнейшие экспонаты не отмечены. Информация не дублирована на электронные носители. Реставрация коллекционных предметов не ведется.

Условия хранения, которые я застал, могут уже в краткосрочной перспективе привести к утрате и разрушению коллекционных предметов, но самая важная проблема — это, конечно же, их безопасность. Появление современной автомагистрали, ведущей

Музей Джиммы. 2010 г.
Фото Ефима Резвана

²⁷ Подробнее см.: M. Wagane. *A Historical Survey of Jimma Museum and its Heritage Collections*. MA thesis. Debre Berhan University, 2018. Электронный ресурс: <https://etd.dbu.edu.et/handle/123456789/50> (последнее посещение 03.09.2022).

Трон из дворца Абы Джифара II в музее Джиммы. 2010 г.
Фото Ефима Резвана

Шкаф из дворца Абы Джифара II в музее Джиммы. 2010 г.
Фото Ефима Резвана

Рукописный Коран, принадлежавший Абе Джифару II
в музее Джиммы. 2010 г. Фото Ефима Резвана

Кровать из дворца Абы Джифара II. 2010 г.
Фото Ефима Резвана.

Походный туалет Абы Джифара II в музее Джиммы. 2010 г.
Фото Ефима Резвана

в столицу, порождает и риски появления криминального интереса к плохо охраняемым предметам, представляющим историческую ценность. Риск увеличивается из-за крайней бедности значительной части местного населения. Коллекция нуждается хотя бы в срочном фотографировании и профессиональной каталогизации. При этом специфика коллекций такова, что профессиональное описание даже только исторической их части потребует сотрудничества специалистов в очень разных областях.

На выезде из города я успел сфотографировать пару интересных местных мечетей. Очень жаль, что нужно было срочно уезжать, я бы с удовольствием пробыл тут несколько дней, попытавшись хоть чуть-чуть почувствовать этот город.

* * *

Ни слева, ни справа не было ни огонька, и дорога оказалась здесь в это время абсолютно пустой. Подсвеченная фарами полоса шоссе перед машиной, казалось, парила в космосе. Удобно расположившись на заднем сидении, я пытался по свежим впечатлениям

Мечети на выезде из г. Джимма. 2010 г.
Фото Ефима Резвана

оценить, что же я увидел сегодня. Множество из встреченных с утра пейзажей можно было связать с тем или иным фрагментом из африканских текстов Гумилева, но похожие пейзажи были и по пути в Харар. Путешествие 1913 г. и в отчетах, и в стихах детализировано в том числе и в конкретной топонимике. Как мы видели, Гумилев упоминал «город Аба Джифара», имея в виду Джирен, где располагался дворец и рынок, упоминал в контексте планирования путешествия туда²⁸. Может ли это служить подтверждением, что поэт все-таки побывал тут? По большей части Каффа, «дальняя и загадочная», через тексты Гумилева воспринимается «нерасчлененной» чудесной страной. Что это — край мечты, куда сведено все, что Гумилев хотел еще здесь увидеть, или область, по которой пришлось проехать в спешке, боясь опоздать на пароход и фиксируя условно «боковым зрением» красоты экваториальной Африки и богатство ее живой природы? Возможность маршрута через Джимму на юг к озеру Рудольфа существовала, но более вероятным представляется путь, которым прошел в 1899 г. Н. С. Леонтьев.

Впереди засветились катафоты припаркованной на обочине машины. Чуть дальше мигнули огоньки двух сигарет. Все почти как в моей студенческой песне:

Словно чья-то сигарета стоп-сигнал в ночи:

Кто-то тоже держит путь.

Незнакомец, незнакомка — здравствуй и прощай,

Можно только фарами мигнуть²⁹.

Я был очень доволен прожитым днем. Тогда мне казалось, что с помощью своих партнеров и коллег в Заливе я смогу активно способствовать хотя бы предварительному изучению и описанию увиденных мною сегодня коллекций. Сначала я по старой памяти особенно заинтересовался рукописями (там могли оказаться очень интересные, по-настоящему уникальные

материалы, связанные с историей местного ислама), но потом отчетливо осознал значимость, на мой взгляд, очень редких историко-этнографических коллекций. Само по себе важно соседство местных предметов с предметами из Занзибара и Омана. Сохранившиеся здесь коллекции могли бы стать интересным дополнением к собраниям Национального музея в Маскате или Музея принцессы Сальмы на Занзибаре. Я тут же стал мечтать о коллективной монографии, которая стала бы результатом изучения исторических коллекций в Джимме и представила бы материальное воплощение культурных и торговых связей в этом регионе. Тогда я не вполне понимал того, что Оман, возможный спонсор их изучения, консервации и реставрации, может быть не заинтересован в актуализации истории, так или иначе связанной с работоторговлей.

Мы всё успели и вернулись в Аддис-Абебу вовремя. Я смог даже заскочить на минуту в небольшой придорожный магазинчик и купить там одноразовый чемодан: я прилетел из Найроби с одним из громадных чемоданов-шкафов, в котором привез выставку. Ни один из них не выдержал ее веса, я выбрал лишь менее полумантый из всех.

Мы наскоро поужинали, но сил на разговоры уже не было.

* * *

Я отключил кондиционер, гнавший в комнату какой-то «технический» воздух, и открыл окно. Тупо посидел перед чемоданами, пытаясь заставить себя перекидать весь мой нехитрый багаж в новый. Бросил все, как есть, и попытался уснуть. Сон не шел, несмотря на усталость. Сел у окна и стал слушать уснувший город. В Джимме я вновь купил для Арзи-биби бусы. Яркие и симпатичные, они были скорее сувениром для туристов и не могли сравниться с теми, что я привез ей в октябре. Те были *настоящие*: тяжелые и приятные на ощупь.

²⁸ См. выше в главе «Калам и книги».

²⁹ Юрий Визбор. Ночная дорога. 1973 г. (музыка Виктора Берковского и Сергея Никитина, 1977 г.).

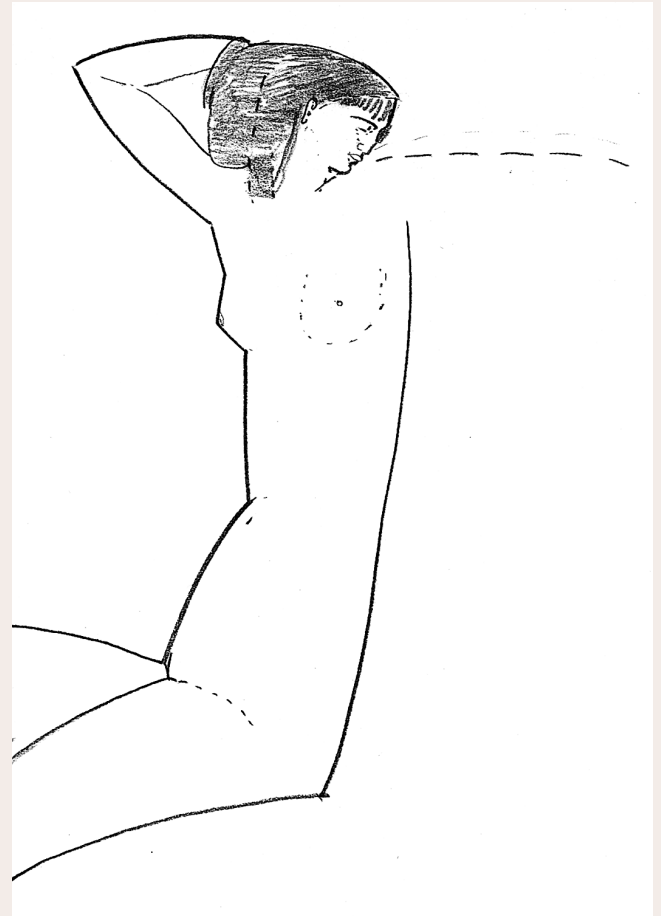
«Украшения должны быть дикарскими». 2010 г.
Фото Ефима Резвана

Представил, как конце марта 1911 г. больной лихорадкой Гумилев вернулся домой после почти полугодового путешествия в Африку. Ахматова в это время была в Париже, где позировала Модильяни, в тайной переписке с которым она состояла с 1910 г. Закрыв глаза и почти сразу же придумал, как закончить фрагмент, крутившийся в моей голове еще с Питера. Я знал, что если не запишу хотя бы ключевые слова, то к утру все забуду. Нашел бумагу и ручку, записал несколько фраз, лег и сразу провалился в сон.

Ты приезжаешь из африканской экспедиции и привозишь любимой женщине бусы. Отправляясь в Париж, она надевает их, чтобы понравиться другому мужчине. Тот восхищается: «Les bijoux doivent être sauvages!» — «Украшения должны быть дикарскими!»³⁰ Он рисует женщину обнаженной, а позже

³⁰ «Он говорил: «Драгоценности должны быть дикарскими» (по поводу моих африканских бус) и рисовал меня в них. Водил меня смотреть старый Париж за Пантеоном ночью при луне. Хорошо знал город, но все-таки мы один раз заблудились. Он сказал: «Я забыл, что посередине находится остров». Это он показал мне настоящий Париж». А. Ахматова. *Сочинения, II Проза. Переводы.* Сост., подг. текстов, коммент. Э.Г. Герштейн, Н.Н. Глен,

задумчиво произносит: «Путешествия подменяют настоящее действие, создают впечатление чего-то, чего на самом деле нет в жизни». Женщина возвращается к тебе, а ты вновь уезжаешь в Африку. «Путешествия подменяют настоящее действие, создают впечатление чего-то, чего на самом деле нет в жизни»³¹, — говорит тебе женщина. Ты опять привозишь ей бусы.

Амадео Модильяни. Портрет Анны Ахматовой. 1911 г.
Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.
С любезного разрешения музея

Л. А. Мандрыкиной, В. А. Черных. М.: Художественная литература, 1987. С. 352.

³¹ «Модильяни как-то очень хорошо говорил о путешествиях, но когда я думаю об этих словах, почему-то вспоминаю не Париж и Люкс<ембургский> сад, а Екатерининский парк. Там, наверно, я пересказывала кому-то (N ?) слова М<одилья>ни. А говорил он как-то так... Путешествия подменяют настоящее действие (action), создают впечатление чего-то, чего в самом деле нет в жизни... Кр<асная> Кон<ница>, июнь 1958». *Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966)*. Torino: Giulio Einaadi editore, 1996. С. 19.

Николай Гумилев
У камина

Наплывала тень... Догорал камин,
Руки на груди, он стоял один,

Неподвижный взор устремляя вдаль,
Горько говоря про свою печаль:

«Я пробрался в глубь неизвестных стран,
Восемьдесят дней шел мой караван;

Цепи грозных гор, лес, а иногда
Странные вдали чьи-то города,

И не раз из них в тишине ночной
В лагерь долетал непонятный вой.

Мы рубили лес, мы копали рвы,
Вечерами к нам подходили львы.

Но трусливых душ не было меж нас,
Мы стреляли в них, целясь между глаз.

Древний я отрыл храм из-под песка,
Именем моим названа река.

И в стране озер пять больших племен
Слушались меня, чтили мой закон.

Но теперь я слаб, как во власти сна,
И больна душа, тягостно больна;

Я узнал, узнал, что такое страх,
Погребенный здесь, в четырех стенах;

Даже блеск ружья, даже плеск волны
Эту цепь порвать ныне не вольны...»

И, тая в глазах злое торжество,
Женщина в углу слушала его.

<1911>

Анна Ахматова
Надпись на неоконченном портрете

О, не вздыхайте обо мне,
Печаль преступна и напрасна,
Я здесь, на сером полотне,
Возникла странно и неясно.

Взлетевших рук излом больной,
В глазах улыбка исступленья,
Я не могла бы стать иной
Пред горьким часом наслажденья.

Он так хотел, он так велел
Словами мертвыми и злыми.
Мой рот тревожно заалел,
И щеки стали снеговыми.

И нет греха в его вине,
Ушел, глядит в глаза другие,
Но ничего не снится мне
В моей предсмертной летаргии.

<1911>

Les bijoux doivent être sauvages!

Через три года из этого текста, двух стихотворений,
бус и рисунка сложилась выставка³².

³² Е. А. Резван. “Les bijoux doivent être sauvages!”. Сайт выставочного проекта: <http://www.kunstkamera.ru/efim/index.html#history-ref> (последнее посещение 02.09.2022). Первый показ — Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 2014 г. (дизайн Татьяны Богдановой), второй показ — Государственный литературный музей в Москве (дом И. С. Остроухова в Трубниках), 2015 г. (дизайн Ирины Лепик). Московский показ выставки был реализован при поддержке Андрея Чанова.

Портрет Н. С. Гумилева работы
Н. С. Войтынской, помещенный
в ноябрьский (№ 2) номер «Аполлона»
за 1909 г.

Фрагмент выставки
«Украшения должны быть дикарскими».
Музей Анны Ахматовой
в Фонтанном Доме. 2014 г.

Анна Ахматова. 1911 г.

Les infamies doivent être sauvées!

Returning from an African expedition, you bring a new necklace to your friend.
She gives to Pige, who then goes to the market. —
He says with surprise: "I've never seen that necklace!" —
"I never saw it either," she replies. "I made it myself, and I gave it to you." —
"I'm sure it's not yours," he says. "I've never seen it before."
You think of something that is not really yours. It is
yours because you are taking it from Africa once again.
It is not yours because it is not yours. It is yours
because you have a necklace that is not really yours. It is
yours because you have a necklace that is not really yours.
You think of something that is not really yours.

Les infamies doivent être sauvées!
C'est pourquoi nous devons
les sauver.

Les infamies doivent être sauvées!
C'est pourquoi nous devons
les sauver.

